

В. А. ВИНОГРАДОВА

Некоторые замечания о лексике «Задонщины»

«Задонщина», как известно, принадлежит к числу таких древнерусских литературных памятников, с которыми нам пришлось знакомиться по поздним спискам. Древнейший список «Задонщины», дошедший до нас, Кирилло-Белозерский, отделен от оригинала почти целым столетием. Сохранившиеся 5 списков ее не однородны по своим размерам, содержанию, словарному составу. Так как эти списки охватывают большой промежуток времени (XV—XVII вв.) и сделаны людьми разных исторических эпох, то оригинал «Задонщины» в них (списках) не был гарантирован от позднейших вставок, модернизированных замен, уточнений и т. д. Очищение текста от позднейших наслоений переписчиков затрудняется необходимостью тщательного изучения лексического состава каждого отдельного списка. Настоящая статья представляет лишь слабую попытку подойти в этой задаче путем рассмотрения некоторых интересных лексических особенностей списков XV—XVII вв. «Задонщины». При этом неизбежно приходится вплотную подходить к вопросу о неологизмах и архаизмах в подлиннике и списках этого памятника.

На основании анализа отдельных лексических единиц «Задонщины» еще нельзя сделать каких-либо общих выводов о работе писцов над ее текстом. Однако можно с уверенностью говорить о том, что древнерусские переписчики не являлись механическими копировщиками оригинала. Каждый из них вносил в рукопись нечто свойственное своему времени. В списках «Задонщины» имеется слово «байдана». «Байдана», «бадана (бодана)» (арабск. «бадан», «бадана») — «доспех в виде рубахи, из плоских, довольно крупных колец, длиною до колен, с рукавами до локтей и ниже».¹ Байдана впервые упоминается в русской письменности в раннем списке «Задонщины» — Кирилло-Белозерском — при описании Куликовской битвы: «Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты московскыя, шеломы немецкие, боданы бесерменьскыя» (1470-е годы). Возможно, этот термин был в подлиннике «Задонщины», но там, как и в Кирилло-Белозерском списке, он звучал как редкий восточный термин. В качестве доспеха, заимствованного русскими, байдана стала применяться с XVI в. Об этом свидетельствуют археологические данные: сохранились образцы двух русских байдан XVI в. — байдана дьяка Ивана Григорьевича Выродкова, строителя Свияжской крепости на подступах к Казани и осадной башни при штурме Казани в 1552 г., и байдана Бориса Годунова (конец XVI в.).² Для писцов поздних списков

¹ П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей. СПб., 1896, стр. 7.

² М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие XI—XIX вв. М., 1953, стр. 60

«Задонщины» конца XVI—XVII вв.³ слово «байдана» было обычным названием кольчатого доспеха наряду с «юшманом», «бахтерцом» и другими терминами смешанных кольчато-пластиночных доспехов. Ср.: «А на стенах на все стороны повесити зброу, латы, панцыри, бахтерцы... карацыны, оплечья, рукава, ба даны».⁴

Нечто подобное можно сказать и о колонтаре — кольчато-пластинчатом доспехе без рукавов. Он вошел в употребление вместе с юшманом и бахтерцом довольно поздно, хотя применялся реже их. Тем не менее колонтарь фигурирует только в раннем списке «Задонщины» XV в.: «Кони ржутъ на Москве, бубны бьютъ на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всей земли русьской, чудно стязи стоять у Дону великого... светяться калантыри злачены».⁵ То, что выражение со словом «колонтарь» («калантырь») не вошло ни в один из списков XVI—XVII вв., когда этот термин фигурировал в русском языке, является свидетельством отсутствия его в оригинале «Задонщины». Очевидно, поэтому В. П. Адрианова-Перетц не включила его в свою реконструкцию памятника.⁶ По-видимому, колонтари на Руси даже в XVI в. были сравнительно редким явлением. До нас не дошло ни одного образца колонтарей. По указаниям «Казанской истории», в колонтарь облакался царь Иван IV во время похода на Казань в 1552 г.: «Тако же и сам царь князь великий уготовися, и в калатырь облакся предо всеми, яко гигнат, и златый шлем возложи на главу свою»;⁷ «И стояше, весь вооружен (царь Иван IV) в златыя броня, в рекомый калантырь, и готов на подвиг».⁸ В «Поведание о Мамаевом побоище» этот термин попал не без влияния Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»: «Руские удалцы... доспѣхи имеютъ велми тверды, злаченые колантыри».⁹ Итак, в обоих произведениях о Куликовской битве «злаченые калантыри» — термин, не соответствующий оружию конца XIV в., навеянный поздней эпохой.

Такой же позднейшей вставкой является «кинжал» в списке Ундольского и Синодальном XVII в.: «Имѣем... на собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряжские».¹⁰ Термин «кинжал» как название колющего обоюдоострого оружия с коротким клинком, по письменным документам и археологическим данным, пришел на Русь с Востока не ранее XVI в.: «саблю да кинжал»;¹¹ «А у всякова кинжал за поесом. Седла турские».¹²

В списке «Задонщины» конца XVI—начала XVII в. (ГИМ, № 2060) читаем: «Имѣем... на себѣ золоченые доспѣхи, а шеломы черкасские, ... а чары франьския».¹³ Очевидно, «чары»¹⁴ — это часть слова «кончары»

³ ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 238, список ГИМ, № 2060; стр. 245, список Ундольского; стр. 251, список Синодальный.

⁴ Устав ратных пушечных и других дел..., т. 2, Изд. Рубана, СПб., 1777—1781, стр. 7.

⁵ ТОДРА, т. VI, стр. 233, Кирилло-Белозерский список.

⁶ ТОДРА, т. VI, стр. 224.

⁷ Казанская история. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 125.

⁸ Там же, стр. 148.

⁹ Срезневский, Материалы, т. I, СПб., 1893, стлб. 1249.

¹⁰ ТОДРА, т. VI, стр. 246.

¹¹ Посольство кн. Звенигородского в Персию (1594—1596 гг.). — В кн.: Труды Вост. отд. Русск. археол. общ., т. 20. СПб., 1890, стр. 278.

¹² Посольство Стольниково-Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг. Изд. М. Пелиевкова, Тифлис, 1926 (Международные сношения Грузии с иноземными странами, 1).

¹³ ТОДРА, т. VI, стр. 239.

¹⁴ Тюркск. «чара» — войско

(первый слог был стерт или не разобран писцом). Слово «кончар» могло быть в подлиннике «Задонщины». Кончар (монг.) — колющее прямое оружие с длинным трехгранным или четырехгранным клинком — впервые упоминается на Руси в сказаниях о Куликовской битве: «А доспѣхи вельми тверды злаченыя колонтари и булатныя банданы, и кончаны (кончары, — по Срезневскому) фряжскія».¹⁵ Однако это оружие в русском войске не получило, вероятно, широкого распространения. Оно стало часто применяться в Польше и Венгрии в XIV—XVI вв.¹⁶ Вместо кончара на Руси в большем употреблении стал с XVI—XVII вв. кинжал. Поэтому произошла замена в списках Ундольского и Синодальном «[кон]-чары» на «кинжалы».

В Синодальном списке XVII в. «Задонщины» вместо слова «шеломы», как в других списках, употребляется термин «шишаки» («обышаки» — описка): «Гремели князей русских доспехи и мечи булатныя и о бы ша ки (т. е. об шишаки, — В. В.) московския». Впервые термин «шишак» зафиксирован в духовной грамоте московского князя Ивана Ивановича в 1356 г.¹⁷ в качестве названия шлема с высоким навершьем. В XVI в. шишаки получили большое распространение в русском войске, а в XVII в. хотя форма этих шлемов изменилась на металлические наголовья западноевропейского образца,¹⁸ однако часто они продолжали сохранять старое название шишаков. Возможно, что широкое употребление термина «шишак» в XVII в. послужило причиной того, что он вошел в Синодальный список памятника; но можно предполагать, что в данном случае имеем дело с уточнением писца, поскольку в Куликовской битве уже начали применяться шлемы-шишаки. Против того, что это слово взято из оригинала «Задонщины», свидетельствует отсутствие его в остальных списках памятника.

Более поздней вставкой, вероятно, является название восточной ткани «камка» (и «насычь»?) в перечислении трофеев, захваченных русскими у татар после победы в Куликовской битве: «Уже рускыя сынове разграбиша татарская узорочя, доспехи и кони, волы и велблуды, вино, сахарь, дорогое узорочье, камкы, насычье везут женам своим».¹⁹ Камка — привозная восточная шелковая ткань, известна в русских документах с конца XV в. Наиболее ранние примеры ее употребления зафиксированы и Срезневским в «Материалах»: «Хожение» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.) и Духовная Михаила Андреевича Верейского (около 1486 г.). Ср.: «А у Офони, у Пронина сына, у Сомяникова взяли (поляки, — В. В.) осмнатцать литр шолку цвѣтного... да пять камочек турьскихъ» (1489 г.);²⁰ «Великая государыня наша Софья твоей светлости поминается, сорокъ соболей да камка» (1490 г.).²¹

В списке конца XV—начала XVI в. «Задонщины» читаем: «Уже сынове рускыя... волы и врьблуды и вина и сахарь и все доброе узороч[ь]е к а л с и м и насыч вывѣзут женам своим».²² В русской письменности слово «калсим» не встречается. Если это испорченное «камка» (по свидетель-

¹⁵ См.: Срезневский, Материалы, т. I, со ссылкой на Н. М. Карамзина: История государства Российского, т. V, прим. 428.

¹⁶ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие XI—XIX вв., стр. 26.

¹⁷ СГГД. М., 1813, т. 1, № 25, стр. 40.

¹⁸ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие XI—XIX вв., стр. 56.

¹⁹ ТОРДА, т. VI, стр. 242, список ГИМ, № 2060.

²⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, тт. I—V. М. — СПб., 1882—1913.

²¹ Памятники дипломатических сношений с Римскою империею, т. I. СПб., 1851, стр. 35.

²² Список ГИМ, № 3045 (ТОДРА, т. VI, стр. 237).

ству других поздних списков), то искажение писца можно объяснить, очевидно, новизной этого термина. Но может быть, это «килим» (перс., татарск. «келим», «гилям») — домотканый ковер без ворсы? Название «насыч», кроме «Сказания о Мамаевом побоище», куда оно могло попасть под влиянием «Задонщины», в русских текстах тоже не удалось обнаружить. Слово «к а т у н а» (тюркск. «катын», «хатын» и т. п. — «женщина», «жена») татаро-монгольской иго не ввело в состав русского языка, так как в этом не ощущалось особой необходимости, данное понятие целиком соответствовало славянскому «жена», а с XV в. — «женщина».²³ В «Задонщине» и в других памятниках XV—XVI вв. «катуна» употребляется как название татарских женщин: «туто погании... а ркуче: „Уже намъ, брат[и], в земли своей не бывати, а дѣтѣй своих не видати, а катун своих не трепати“»;²⁴ «А катуней (татарских, — В. В.) посадиша в иную гюрму легчае и виднѣе, у Трупеховыхъ ворот».²⁵ В середине XVI в. завоевание казанского царства Иваном IV несколько оживило это слово (см., например, «Казанскую историю», описание этого времени в летописях и др.). Трудно сказать, было ли оно в подлиннике «Задонщины»: если было, то почему-то оно не встречается в двух списках конца XVI—XVII вв.: ГИМа (№ 2060) и Ундольского. Переписчик Синодального списка произвел замену «катуна» на общерусское «жена» («татарове... глаголюще: „Уж нам у Золотой орда не бывати, бедных жон и детей не видати“»),²⁶ по-видимому, ввиду редкости этого слова и белорусского происхождения списка (на материале белорусских памятников это слово не зарегистрировано).

Некоторый интерес представляет употребление в раннем списке «Задонщины» слова «царь». Списки «Задонщины» упоминают неоднократно о «царе Мамае», «царе Соломоне», «царе Батые». До XV в. этим титулом на Руси величали византийских и других иноземных правителей, а также татарских ханов. В XV же столетии слово «царь» со значением всемогущей державной власти начало входить в обиход русского человека (впервые в «Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя русьскаго»), пока наконец в 1547 г. не закрепилось Иваном Грозным в качестве официального титула «государя всея Руси». Отдавая дань своему времени, писец XV в. в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» (1470-е годы) сделал следующее добавление, ретроспективно назвав князя Владимира Киевского царем русским: «помянуше праждѣа князя Володимера киевскаго, царя русскаго».²⁷

В «Задонщине» слово «орда» употребляется в списках XVI—XVII вв.²⁸ не только в значении названия татаро-монгольского государства — Золотой Орды — или сборища кочевых племен хана Мамаея, но и в значении русского войска: «И молвяше ему фрязове: чему ти, поганый Мамай, на рускую землю, то ти была орда Залѣская времена первый»²⁹ (ср.: «То ты была орда Залѣская»)³⁰. Можно предполагать, что семантика

²³ В двух списках «Русской Правды» (Троицкий IV и Археографический II) XV в. впервые встречается синоним к слову «жена» — «женщина»: «Аще ся дасть человек или женщина утошна времени, дерн ему не надобѣ, а поидет прочь, да дасть 3 гривнѣ, а слоужил даром» (Правда Русская, Прилож., Закон судный, стр. 316).

²⁴ Список ГИМ, № 3045 (ТОДРА, т. VI, стр. 237).

²⁵ Псковская первая летопись. — ПСРА, т. IV, стр. 300, под 1535 г.

²⁶ ТОДРА, т. VI, стр. 255.

²⁷ ТОДРА, т. VI, стр. 233.

²⁸ Списки ГИМ (№ 2060), Ундольского, Синодальный.

²⁹ ТОДРА, т. VI, стр. 242, список ГИМ, № 2060.

³⁰ ТОДРА, т. VI, стр. 248, список Ундольского: «Залѣсскою стороною называлось, вероятно, все пространство на север от полей. Ср. в Воскресенской летописи под

тюркского слова «орда» на русской почве развивалась по двум линиям: с одной стороны, от названия татарского государства — Золотой орды — пошло значение страны, государства вообще («въдомо всѣм совѣтником и приказным людем, что у того Онтона былъ свой собинной двор годы съ три, и что он торговал про себя ж і вываживал товары здѣшняго государства ис твоей государевы области в ыные орды, и также приваживалъ товары сюда из ыныхъ земель»);³¹ другая семантическая линия ведет начало от «орды» как сборища кочевых племен, совершающих набеги на Русь: ордой стало иногда называться войско и других народов, иногда просто толпы. Оба эти значения фиксируются словарями и Картотекой Древнерусского словаря главным образом в XVI—XVII вв. В значении «войско» слово «орда» выступает в «Материалах» И. Срезневского в примере из «Хожения» Афанасия Никитина в Индию в списке XVI в.: «И царь послал за нами всю свою орду». Однако ордой здесь названо опять-таки татарское войско. Вот более полная цитата данного места из «Хожения» Афанасия Никитина: «поѣхали есмя мимо Хазтарокань... царь нас видѣл, а Татаровѣ намъ кликали: качьма, не бѣгайте. И царь послалъ за нами всю свою орду, и... нас постигли на Бугунѣ, застрѣлили у нас человѣка»³² (ср.: «Того же лѣта прииде король Литовской Стефанъ Абатуръ со многими орды 17 земель подѣ пресловущій градъ Псковъ...» (1581 г.);³³ «... начат же с собою поднимати орды немецкие на разореніе святому мѣсту и на пролитіе христіанской крови» (1613 г.).³⁴ Ни одного примера, где бы «орда» применялась для обозначения русского войска, кроме «Задонщины», не встретилось. Все это позволяет сомневаться, фигурировало ли оно в самом подлиннике «Задонщины». Может быть, это явилось более поздней допиской, заменой?

Соединение в одном тексте слова с двумя полюсными значениями сказалось в списках «Задонщины» в употреблении слова «победа»: 1) одоление врага; 2) беда, поражение. В значении «беда», «поражение» оно встречается в трех списках «Задонщины» конца XVI—XVII вв.: «Въздаю поганому Мамаю победы и великому князю Дмитрию Ивановичю похвалу».³⁵ В письменных памятниках это значение находит применение редко. И. Срезневский не указал в своих «Материалах» ни одного примера, а отметил лишь прилагательное «победный» — несчастный в «Софийском временнике» под 1535 г. Зато «победу» в качестве беды, «победный» — бедный, несчастный фиксируют областные словари конца XIX—начала XX в.³⁶ По-видимому, оно приходило в письменность из живой народной речи, но проникновение «победы» — беды, поражения в памятники тормозилось общераспространенным значением — «одоление врага». В статье «Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине»³⁷ И. Срез-

1146 г.: «повоевав Корачев и бѣжа за лѣс в Вятичи» (ПСРЛ, т. VII, стр. 37); «Орда Залѣсская — войско Московское» (И. И. Срезневский. Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине. — ИОРЯС, 2-е отд., т. 7, II, СПб., 1858, стр. 100).

³¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией, т. II, стр. 211 (1586 г.).

³² ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 331.

³³ ПСРЛ, т. IV, Псковская первая летопись, стр. 319.

³⁴ Новгородская III летопись. — Новгородские летописи. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1879, стр. 363, список XVIII в.

³⁵ ТОДРА, т. VI, стр. 237, список ГИМ, № 3045; ср. стр. 243, список Ундольского и стр. 250, список Синодальный.

³⁶ А. Подвысоцкий. Архангельский областной словарь, СПб., 1885; Г. Куликowski. Словарь областной олонеккого наречия, СПб., 1889; В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

³⁷ ИОРЯС, 2-е отд., т. 7, в. II, стр. 96.

невский приводит две иллюстрации из Н1Л, где слово «победа» используется летописцем как «поражение», «беда». Вторая цитата, взятая И. Срезневским из Академического списка XV в. Н1Л (под 1380 г.), представляет некоторую параллель к «Задонщине»: «Възнес бог десницу князя великого Дмитрея Ивановича и брата его князя Володимера Андрѣевича на побѣду иноплеменник». ³⁸ Если бы мы были уверены, что начало Кирилло-Белозерского списка (1470-е годы) совпадает с подлинником «Задонщины», то можно было бы предполагать, что фраза: «Въздаю поганому Мамаю победы. . .» (см. выше) была вставлена в список ГИМа, № 2060 (конца XVI—начала XVII в.), не без влияния Н1Л. Но если эта фраза была в оригинале, то возможно и обратное влияние. Однако как бы там ни было, употребление слова «победа» в двух противоположных значениях в поздних списках «Задонщины» оправдано вполне тем, что в XVI—XVII вв., в период становления русского национального языка, в письменность особенно сильно врывается струя живой народной речи. Ср.: «Мамаи ж, видѣвъ побѣду свою, и нача призывати боги своя: . . . и не бысть ему помощи от них ничтоже»; ³⁹ «В болезнѣх бо всяка побѣда бываетъ труды готовятся»; ⁴⁰ «Вдовья побѣда (вар.: бѣда) горчае всѣхъ»; ⁴¹ «Слышанна же сія бывшая побѣда во всѣх градах московских, яко превеликая Москва разрушенна и раскопанна, и плакашася о таковой побѣде вси людіе». ⁴²

Выражение «Задонщины»: «В поле тебя (Мамаю, — В. В.) князи руския гораздо упилися и князеи с тобою нѣтъ ни воевод» ⁴³ в Синодальном списке XVII в. получило несколько иное звучание: «Нешто гораздо чтили их руския князи твою дружину темных князей великих вланов (уланов, — В. В.), што их с тобою никого нет?». ⁴⁴ По-видимому, переписчик Синодального списка решил к названию татарских «темных» князей еще добавить термин «улань». «Улан» (тюркск. «оглан») означало у татар члена ханской семьи, лицо княжеского рода (титул). В русских документах и произведениях «улан» встречается с конца XV в. (самый ранний пример отмечен И. Срезневским в «Софійском временнике» под 1480 г.; ср. также: «И перед Костянтина Заболотцкогo очима, сам яз въ головах и всѣ которые писаны царевичи и князи и уланы и воеводы князи и мурзы. . . всѣ роту и правду учинили» (1508 г.) ⁴⁵ или «Казанцы же: молны, и сеиты. . . имамы, и азѣи, афазы, князи и уланы и мурзы. . .»). ⁴⁶ Переписчик-белорус XVII в. включил это тюркское слово в «Задонщину» либо под влиянием «Поведания о Мамаевом побоище», где фигурирует этот термин, либо по внешней аналогии с бытовавшим в Польше с XVI в. словом «улан» (ułan), которое означало воина из частей легкой конницы, вооруженной пиками.

³⁸ См. также в Комиссионном списке Н1Л (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 377).

³⁹ Сказание о Мамаевом побоище. В кн.: С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. — СОРЯС, 1906, т. XI, № 7, стр. 31—32.

⁴⁰ Житие митрополита Филиппа, конец XVI в. Рукопись б. Румянцевского музея № 361. XVII в.

⁴¹ Книга степенная царского родословия, чч. 1—2 (ПСРЛ, т. XXI. СПб., 1908—1913), 1560-е годы, список XVI—XVII вв.

⁴² Повесть кн. И. М. Катырева-Ростовского (I редакция). — РИБ, т. 13, изд. 3. Л., 1925, 1626 г., список XVII в.

⁴³ ТОДРА, т. VI, стр. 242, список ГИМ, № 2060.

⁴⁴ Синодальный список (ТОДРА, т. VI, стр. 255).

⁴⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаем и Турциею, т. II (1508—1521 гг.). — Сборник Русского исторического общества, т. 95. СПб., 1895, стр. 20.

⁴⁶ Книга степенная царского родословия, чч. 1—2, стр. 641, 1560-е годы, список XVI—XVII вв.

Вставляя от себя этот архаизм в текст памятника, писец тут же убирает из Синодального списка другой, который, вероятно, входил в оригинал, а именно «выход» в значении дани русских татарам: «а на Рус[ь] нам (татарам, — В. В.) уже рат[ь]ю не хоживати, а в выхода намъ у русских князей не прашивати». ⁴⁷ Это новое значение слова «выход» закрепилось за ним во время владычества на Руси Золотой Орды как вид особенно тяжелой дани. В письменных памятниках «выход» фиксируется с XIV в.: ⁴⁸ «А перемѣнит бог Орду, дѣти мои не имут давати в выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем удѣлѣ, то тому и есть». ⁴⁹ Предсказанию московского князя Дмитрия Ивановича суждено было совершиться в конце XV в., когда великим князем Иваном III была окончательно уничтожена зависимость русских земель от татар. После прекращения уплаты дани начинает исчезать и термин «выход». Покорение Казанского царства Иваном Грозным в середине XVI в. не надолго оживляет это слово в языке, и к XVII в. оно становится архаизмом. Таким образом, в списках «Задонщины» — ГИМа (№ 2060) и Ундольского — фраза «а в выхода нам у русских князей не прашивати» переписывается по традиции. Также архаизмами для поздних списков «Задонщины» становятся термины, связанные с древним управлением Новгорода: «Вечные (вечевые, — В. В.) колоколы» («Звонят колокола вѣчнии в великом в Новѣгородѣ») ⁵⁰ и «посадники новгородские» («и выѣхали посадники из великого Новогорода к великому князю Дмитрию Ивановичю»). ⁵¹ Первое упоминание о вечевом колоколе, звон которого возвещал сбор веча, относится в летописи к 1055 г. в Новгороде, к 1063 г. в Киеве. С конца XII в. вследствие усиления княжеской власти, а в XIII в. и по причине монгольского завоевания в городах южной и Ростово-Суздальской Руси вечевая деятельность была сведена на нет. Только в Новгороде до XV в. существовала боярская феодальная республика с вечевым строем. ⁵² Здесь вечевой колокол был символом независимости Новгорода. Поэтому в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» термин «вѣчный колокол» отражает еще живое явление. В 1478 г. по требованию московского князя Ивана III («вечью колоколу во отчине нашей в Новогороде не быти, посаднику не быти, а государство свое нам держати») вечевой колокол в Новгороде был снят, а новгородская земля оказалась навсегда присоединенной к Москве. Поэтому в списках конца XVI—XVII в. «Задонщины» выражение о звоне вечевых колоколов в Новгороде списывается по традиции. Та же самая судьба постигла слово «посадник» в его значении представителя власти в Новгороде и Пскове, избираемого вечем.

Из изложенного ясно, насколько важно при установлении архетипного текста «Задонщины» учитывать историю отдельных слов, особенно тех из них, которые могут быть отнесены к военной, политической и юридической терминологии или являются восточными по своему происхождению.

⁴⁷ Список ГИМ, № 3045 (ТОДРЛ, т. VI, стр. 237).

⁴⁸ См.: Срезневский, Материалы, Договорная грамота князя Дмитрия Ивановича 1375 г.

⁴⁹ Духовное завещание великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1950, стр. 36.

⁵⁰ ТОДРЛ, т. VI, стр. 233, Кирилло-Белозерский список.

⁵¹ ТОДРЛ, т. VI, стр. 238, список ГИМ, № 2060.

⁵² См.: История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР. М.—Л., 1951, стр. 24—25.